

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

АНАТОЛИЙ АЛЕКСИН

ЗВОНИТЕ

Анатолий Алексин

Звоните и приезжайте

1. НЕ МОЕ ДЕЛО

Я учусь в той же школе, где когда-то учились мама и папа. Папу почему-то никто не запомнил. А маму запомнили многие. «У нее были прекрасные внешние данные!» – сказала как-то учительница литературы, которая заодно руководит у нас драматическим кружком. И придирчиво оглядела меня. Это было бы еще ничего: за «внешние данные» пока что отметок не ставят. Но оказалось, что и внутренние данные у мамы тоже были гораздо лучше, чем у меня. К примеру, все помнили, что мама никогда не гоняла клюшкой консервные банки и не любила играть в «расшибалочку».

Больше я не знал никаких подробностей о мамином прошлом. Но вот однажды бабушка, которая пришла по-мочь маме по хозяйству, сказала:

– А Сережа-то стал лауреатом Всероссийского конкурса!

– Какой Сережа? – спросил я.

– Сережа Потапов. Его знают все культурные люди!

– Первый раз слышу. А кто это? – сказал я. И вдруг заметил, что папа взглянул на меня с любовью. А верней сказать, с благодарностью. Я ничего не понял...

И только потом на кухне бабушка объяснила мне, что Сережа Потапов учился когда-то в школе для музыкально одаренных детей и мама любила его, когда была в пятом классе.

Музыкальная школа находится прямо напротив нашей, через дорогу. Если из нашей школы выходит ученик, трудно сразу определить, одаренный он или не одаренный. А если из дверей школы, которая через дорогу, тут уж сразу ясно: идет одаренный!

Мы выходим из своей школы с портфелями, а музыкально одаренные – с футлярами. Сначала Сережа Потапов привлек немало внимание тем, что его футляр был больше, чем у других, потому что он играл на виолончели. А потом, уже в пятом классе, она его полюбила. Мама, наверное, тоже была одаренной, потому что я вот хоть и учусь в шестом классе, но еще ни разу никого не любил.

– Да, Сережа далеко шагнул! – сказала за ужином бабушка.

И папа закурил в комнате, хотя обычно выходил для этого в коридор или на кухню.

– Ну что ты?! Это такое далекое прошлое... Это глупое детство! – сказала мама. И рассмеялась. Ей было весело. А папа за весь вечер ни разу не улыбнулся.

– Далекое шагнул! Далекое!.. – повторяла бабушка, убирая посуду.

Бабушка очень любила нас воспитывать. Но делала это как-то по-своему.

«А сын моей соседки научился варить суп», – говорила она, и я должен был понять, что мне тоже не мешало бы этому научиться.

«А Коля, который вместе с тобой кончил медицинский институт, стал заведующим отделением», – сообщала она папе. И папа должен был сделать вывод, что ему тоже не мешало бы стать заведующим. «Да, Сережа далеко шаг-нул!» – эта фраза должна была подсказать папе, что и ему пора было уже куда-то шагнуть.

Два года назад мне удаляли гланды. «Чепуховая операция!» – говорили все. Но я как-то этого не почувствовал... Хирург, который их удалял, казался мне удивительным человеком. Он причинял мне ужасную боль, и я должен был бы его ненавидеть, а я относился к нему прямо-таки, как говорят, с восхищением. Со страхом и восхищением! И трудно мне было представить, что он снимет свой белый халат, свои резиновые перчатки и станет таким же, как все. А может быть, даже пойдет в буфет...

Папа делает операции почти каждый день. И может быть, каждый день кто-то смотрит на него так же, как я смотрел на того хирурга.

– Тебе когда-нибудь делали операцию? – спросил я у бабушки.

Оказалось, что ей за шестьдесят лет не сделали ни одной операции! Разве она могла как следует оценить папу?

– Добиваются же люди таких успехов, как Сережа По-тапов! – причитала бабушка, уже натягивая пальто.

– Вот когда у тебя опять будет приступ мигрени, – сказал я, – вызывай не врача, а этого своего... виолонче-листа! Пусть он тебе поможет!

Перед самым сном я чистил зубы в ванной комнате и вдруг услышал, как мама сказала папе:

– Это смешно... – Ей все еще, в отличие от папы, хотелось смеяться. – Ну несерьезно, честное слово. Это же было в пятом классе!

– Началось в пятом... – тихо сказал папа. И я почувствовал, что рука его снова полезла в карман за папиросами.

Я, как говорят, содрогнулся.

Значит, только началось в пятом классе? Интересно, а в каком кончилось? Хорошо, если в шестом. А если в седьмом или даже в девятом?

«Ведь папа учился с мамой в одном классе, – рассуждал я. – А школа для одаренных, как и сейчас, была через дорогу. И папа, значит, был свидетелем их любви. Как же он, бедный, переживал! А если он и сейчас страдает?»

Надо было что-то предпринять. Но что? Разве я мог с кем-нибудь посоветоваться?

К примеру, если был посоветовался с бабушкой, она бы сказала: «А сын моей соседки никогда не вмешивается в дела старших!»

Может, это действительно было не мое дело? Может быть...

Через несколько дней, собираясь в школу, я услышат в программе передач, что Сергей Потапов будет выступать вечером по телевизору. К счастью, кроме меня, этого никто не услышал.

Вечером, за четверть часа до концерта лауреатов Все-российского конкурса, я уселся делать уроки в той комнате, где стоит телевизор.

– Завтра контрольная! – сообщил я. И все стали пере-двигаться на цыпочках.

Еще через неделю я обнаружил, что Сергей Потапов собирается выступить по радио. За пятнадцать минут до его выступления я разложил тетради на кухне, где у нас стоит радиоприемник.

– Завтра снова контрольная! – сказал я.

И приемник молчал весь вечер.

Но Сергей Потапов продолжал преследовать нашу семью!

Как-то, возвращаясь из кино, я увидел афишу с его портретом на том самом месте, где мама и папа каждое утро садились на трамвай. Сперва я хотел сорвать афишу и уничтожить ее. Подходил, примерялся, прилаживался... Но все-таки не сорвал.

Вернувшись домой, я стал убеждать своих родителей, что ездить на троллейбусе гораздо удобнее, чем на трамвае.

– Но троллейбусная остановка так далеко, – возразил папа.

Ах, если б он знал!

– Я проведу вас проходными дворами, и вы увидите, как это близко.

– Совсем рядом! – сказал я.

– В проходных дворах всегда бывает темно и опасно, – вмешалась бабушка. Как будто она нарочно хотела столк-нуть маму лицом к лицу с ее прошлым!

Утром я повел маму и папу проходными дворами.

– Вот видите, как удобно, – говорил я. – Совсем близ-ко! И вы садитесь на современный вид транспорта... Прав-да, не на метро, но по крайней мере и не на трамвай! И еще одно преимущество. Мы вместе идем почти до самой моей школы!

Вообще-то мне не хотелось, чтобы мои родители каждое утро прямо у всех на глазах провожали меня, шестиклассника, в школу. Но теперь я был готов абсолютно на все! И я уводил их от афиши с портретом...

Конечно, мама могла увидеть эту афишу и где-нибудь в другом месте. Но тут уж я ничего поделать не мог!

Еще через несколько дней я сообщил:

– Мы писали сочинение на тему «Кем быть?». И пред-ставьте себе, почти все ребята хотят стать врачами! Почти все... Не летчиками, не водолазами... не виолончелистами, а врачами! Учительница сказала, что в этом нет ничего удивительного. Самая благородная профессия в мире! Хотят лечить, исцелять, спасать...

Как-то в воскресенье я привел к нам домой своего при-ятеля Ваську-Паганини.

Паганини – это, конечно, прозвище. Васька играет на скрипке и учится в школе для одаренных.

– Ты любишь Сергея Прокофьева? – спросил я у Вась-ки, когда вся наша семья была в сборе.

– Еще бы! – ответил Васька.

– А Сергея Рахманинова?

– Кто же его не любит?

– А Сергея Потапова?

– Не знаю такого...

– Ни разу не слышал? Подумай как следует! Вспомни...

– Нет, о нем я не слышал. А почему ты интересуешься именно этим... как его фамилия? Почему? – удивлялся Васька так естественно, будто мы с ним не репетировали эту сцену в ванной комнате пятнадцать минут назад.

– Ну уж если Паганини его не знает! – воскликнул я и обвел взглядом всех членов нашей семьи.

Но мамино прошлое не сдавалось, не отступало!

Однажды по почте пришли сразу две открытки из нашей школы. Я вообще не люблю, когда моим родителям из школы присылают открытки. И как-то нечаянно прочитал... На этот раз речь шла не обо мне. Маму и папу приглашали на традиционный «объединенный» вечер выпускников сразу двух школ: нашей и музыкальной. Приглашали заранее, за неделю, и просили сообщить о вечере всем бывшим одноклассникам, о которых они что-нибудь знают.

Я сразу понял, что там будет присутствовать Сергей Потапов. «Вечер устраивают для того, чтобы доставить бывшим ученикам радость, – рассуждал я. – Но какую же радость испытает мой папа, если у мамы возникнут разные воспоминания? А они обязательно возникнут... хоть на минуту. И папа будет курить, не выходя в коридор...»

Я спрятал открытки. Сунул их в свой портфель.

Первое, что я увидел в школьном вестибюле, было ог-ромное объявление о традиционном «объединенном» ве-чере. Внизу черным по белому было написано: «В художе-ственной части выступит лауреат Всероссийского конкурса С. Потапов».

«Так, понятно... – подумал я. – Значит, он будет у всех на глазах демонстрировать свое искусство. Ему будут ап-лодировать. А папа продемонстрировать свое искусство у всех на глазах не сумеет. Ведь не сможет же он прямо на сцене вырезать кому-нибудь аппендицит! Или, точнее ска-зать, аппендикс...»

Я раскрыл портфель и запрятал открытки поглубже. На следующий день после традиционного вечера учительница литературы, которая так хорошо помнила о маминых внеш-них данных, спросила:

– А почему не было твоей мамы?

Спросила так, будто папы у меня вообще нет. Я вопро-сительно развел руки в стороны.

Я давно уже знал этот способ: когда не хочется врать, не хочется говорить «да» или «нет», надо вопросительно развести руки в стороны. Пусть думают что хотят!

В тот же день мама, вернувшись с работы, вошла в комнату прямо в пальто. Когда она так

стремительно, не задерживаясь в коридоре, проходит в комнату, я знаю, что ничего хорошего ждать не следует.

– Нам с папой ничего не присылали из школы? – спросила она.

Я попытался неопределенно развести руки в стороны. Но она повторила:

– Нам ничего не присылали?

– Что-то, кажется, было, – ответил я.

– Как это «что-то»? Ты не помнишь, что именно?

– Ах да! Вспомнил! Вам прислали открытки. Я их по рассеянности сунул в портфель. В тот день была контроль-ная работа и я как-то...

– Что, у вас теперь каждый день контрольные работы?

– Не каждый... Но довольно часто. А вот и эти открыт-ки... Пожалуйста!

Я протянул маме открытки. Но она даже не взглянула на них: она не могла оторвать глаз от меня!

– Что же ты натворил, если так боялся нашего появ-ления в школе?!

– Ничего я не натворил. И не боялся. Я просто забыл, – и все.

– Но ведь там, говорят, висело объявление!

– Я на него как-то не обратил внимания...

– Забыл! Не обратил внимания! Это хуже всего. Потому что говорит о твоём равнодушии. Оно меня убивает! Не-ужели ты не понимаешь, какое удовольствие доставила бы мне встреча с друзьями? Которых я не видела столько лет!..

Мама, не снимая пальто, даже не расстегнув его, тяжело опустилась на стул.

– Ну хорошо... Мне ты не пожелал доставить радость. Но подумал бы об отце!

Неужели и он тебе безразличен? Что я мог ей ответить?

К счастью, в этот момент в комнату вошла бабушка и сказала:

– А сын моей соседки опять получил пятерку. И на-учился варить компот!

2. ДАЛЬНИЙ РОДСТВЕННИК

Иногда ночью раздаются необычные звонки – то слишком долгие, то слишком короткие. Это из других го-родов: бывшие папины пациенты или его бывшие товари-щи по институту. Папа разговаривает с ними так, будто никто у нас дома еще не ложился спать. Мама удивляется, а папа объясняет:

– Они знают, что именно в это время человека легче всего застать дома! Разве можно их осуждать? Или:

– Разве можно их осуждать? Звонят издалека! Там уже утро. Их можно понять.

– Но пусть и они поймут, что у нас еще ночь, – отвечает мама.

«Разве можно осуждать?» – папа часто повторяет эти слова.

– Тебе нужно было бы стать защитником, – как-то сказала мама.

– Это приятней, чем обвинителем.

– Смотри в каких случаях! – возразила мама.

И папа продолжал работать хирургом.

Иногда по ночам вслед за слишком длинными или слишком короткими звонками выясняется, что папин приятель собирается приехать в наш город.

– Вот и хорошо, – говорит в таких случаях папа. – Прямо с вокзала – к нам! У нас есть раскладушка.

– Хорошо, что только одна! – вздыхает мама. – Странные люди! Хотя бы для виду отказались. Хоть для приличия! Ведь есть же гостиницы...

– В гостиницу не попадешь, отвечает папа. – Кроме того, каждому хочется побывать среди близких людей.

– Среди близких! Ты и в лицо-то его не помнишь.

Бабушка на следующий день начинает воспитывать папу. Но делает это, как обычно, по-своему.

– А муж моей соседки, – говорит она, – никогда не принимает серьезных решений, не посоветовавшись с женой.

И папа должен понять, что ему тоже не следует быть таким уж самостоятельным.

– А Петя, который был старше тебя всего на два курса, но уже стал профессором, – говорит бабушка, – с головой ушел в науку и не позволяет, чтобы ему мешали посторонние люди!

Отсюда папа должен сделать вывод, что если он не будет приглашать к нам своих приятелей из других городов, то вскоре тоже станет профессором.

Когда опять раздались длинные, прерывистые звонки из другого города, мы все, конечно, проснулись, и мама сказала мне:

– Готовь раскладушку!

Она не ошиблась, потому что папа через минуту сказал в трубку:

– Ну что за вопрос?! Пусть приезжает... Остановится прямо у нас. Я покажу его специалистам. Устроим консилиум! Если понадобится... – А положив трубку, объяснил маме: – У ее сына что-то серьезное...

– А до их города медицина не добралась?

– Это маленький городок. Там нет крупных специалистов.

– Обязательно нужны крупные?

– Вот если бы он заболел, – папа кивнул в мою сторону, – разве ты не подняла бы тревогу? Она плакала в трубку: «Посмотрите моего мальчика...» Разве можно ее осуждать?

Мама вздохнула и ничего не ответила.

Утром она спросила:

– А кто эта женщина... которая звонила тебе?

– Дальняя родственница.

– Очень дальняя?

– Кажется, очень.

– Но кем она все же тебе приходится?

Папа думал в течение всего завтрака, но так и не вспомнил.

– Знаю только, что... по отцовской линии, – сказал он. – Впрочем, какое это имеет значение... если ее мальчик серьезно болен?

Мальчик приехал через три дня. Это был мужчина лет тридцати.

– Я буду называть вас по имени-отчеству, – сказал он, – потому что мать никак не могла вспомнить, кем мы друг другу приходимся.

– Какое совпадение! Мы тоже не вспомнили, – сказала мама.

– Ну почему же? – возразил папа. – Кое-что мы все-таки установили. Я точно знаю, что это родство по отцовской линии.

– Понимаю, – сказал приезжий, – дальний родственник – это даже меньше, чем просто знакомый. Знакомого, например, невозможно не знать в лицо. А дальнего родственника можно ни разу в жизни не увидеть и не услышать. Я бы, честно говоря, не отважился к вам вторгаться. Если бы они не сказали матери про этот свой «предполагаемый диагноз». Я должен немедленно доказать ей, что «предполагаемый диагноз» предположили напрасно.

– А что у вас... предполагают? – спросила мама. – Какую болезнь?

– Ту самую! – ответил приезжий, которого звали редким именем Игнатий.

– Какую... «ту самую»? – не поняла мама.

– Ну, которая неизвестно от чего начинается, но зато известно, чем чаще всего кончается.

– Почему «чаще всего»? – возразила бабушка. – В этой области много открытий!

– Да, безусловно! – громко подтвердил папа. Хотя вообще говорил тихо, а когда бабушка начинала высказываться о медицине, почти всегда уходил курить в коридор. На этот раз он остался в комнате.

Бабушка за всю свою жизнь ничем, кроме мигрени, пока не болела, но очень боялась, как бы не заболел кто-нибудь из ее близких.

Она подробно изучала «Беседы врача», которые печатались в разных газетах. После этого в течение нескольких дней дома невозможно было закашляться или чихнуть.

«У тех, про кого я читала, тоже все началось с обычно-венного кашля», – говорила бабушка. Игнатию же она сказала:

– Вы абсолютно не похожи на больного той болезнью, которую у вас ошибочно подозревают. Трое моих знакомых были больны этим самым... Вы абсолютно на них не похожи. Кстати говоря, все они излечились. То есть им вы-резали... И все замечательно!

– А откуда вы знаете о «предполагаемом диагнозе»? – спросил папа.

– Врачи как-то сразу забегали. Стали уверять, что нет ничего серьезного. Я не волновался, а они меня успокаивали. Потом я тайком заглянул в их бумаги. Но не испугался. Там рядом с диагнозом стоял большой знак вопроса. Ну, а если врачи ставят вопросительный знак, зачем же я сам буду ставить знак восклицательный? Но они матери зачем-то сказали. Тут уж я разозлился! Зачем было ей говорить?

– Формально они были правы, – сказал папа. – Родственникам положено сообщать.

– Но они же не родственнице сообщили, а матери! – воскликнул Игнатий. – Поэтому я и приехал. Чтобы разубедить ее. Понимаете? И к вам вторгся. Но не волнуйтесь! Я могу спать на кухне. Или в коридоре на раскладушке.

– На раскладушке будет спать он... – сказала мама и кивнула в мою сторону. – А вы будете спать на кровати. Здесь, в этой комнате.

– Только не заботьтесь обо мне, а то я буду считать, что диагноз уже подтвердился, – сказал Игнатий. – Понимаете, – продолжал он, – мать одна тянула меня... без отца. Трудно ей приходилось. И мы все подсчитывали: «Еще два года в школе, потом пять лет в институте. Всего, значит, семь!» Потом сбавляли по годичку. Наконец я институт окончил, начал работать, и вдруг такое... Разве это возможно? Мать ждала столько лет! Наконец дождалась, а я ей такой подарок... Это была бы жуткая неблагодарность с моей стороны! Скорей бы дать ей телеграмму: «Добро-качественно! Вылетаю!»

– Она телеграмме не поверит, – сказала мама.

– Я поклялся, что сообщу чистую правду. Есть у нее эта слабость... Любит клятвы. Ну я, чуть что – клянусь своим здоровьем. А она: «Моим поклянись! Тогда не обманешь». Обычно я уклоняюсь. Но тут пошел ей навстречу.

На следующий день рано утром папа повел Игнатия в какой-то институт, а оттуда к себе в больницу.

– Вечером вы узнаете о результатах, – сказал нам папа.

– Нет, позвони мне на работу, – сказала мама. – Если я вдруг выйду из комнаты, передай: все хорошо.

– Или все плохо, – бодро сказал Игнатий.

– Это исключается! – воскликнула мама. – Я уверена...

– С любой болезнью можно бороться, – заверил папа.

– А победить? – спросил Игнатий.

– Разумеется... И победить! Мать, конечно, потеряла покой. И ждет клятв! Разве можно ее осуждать? Но вы, как мужчина, должны поверить: эту болезнь побеждают довольно часто.

– Но лучше все же обойтись без нее, – сказал Игнатий. Он все время улыбался – и я понял, что он волнуется.

– Мне тоже сообщите, пожалуйста, – попросил я. Папа кивнул.

После пятого урока у меня был фотокружок, но я не остался.

Бабушка обычно приходит помогать маме по вечерам.

А тут пришла днем и стала вытирать тряпкой телефон, потом круглый столик, на котором он стоит. А потом все, что находится в коридоре возле столика.

Дома у бабушки нет телефона. И поэтому по вечерам, когда она приходит помогать маме, дозвониться к нам не-возможно. После каждого телефонного разговора бабушка сообщает, с кем она разговаривала. Такая у нее привычка. Чаще всего она говорит: «Это моя школьная подруга!» И непременно вздыхает. У нее так много школьных подруг, будто она недавно училась в десятом классе. А на самом деле она училась в гимназии.

Но в тот день бабушка никому не звонила. Она ждала. И я ждал.

Наконец мы дождалась: позвонил папа. Обычно бабушка не любит, когда я вмешиваюсь в дела взрослых. Но тут она сама стала передавать мне каждую папину фразу:

– «Этого у Игнатия нет. Точно установили. Он болен серьезно. Надо делать сложную операцию. Но этого нет!» Слава богу! – сказала бабушка. Пошла в комнату и легла на диван. Вид у нее был очень усталый. И я тоже как-то сразу устал...

Но когда через полчаса или минут через сорок раздались необычные звонки – слишком длинные и слишком короткие, я бросился в коридор и схватил трубку.

– Это городок, где живет Игнатий, – сообщил я ба-бушке. – Велели не вешать трубку и ждать. Я первый скажу его матери... Первый!

– А сын моей соседки никогда не перебегает дорогу старшим, – сказала бабушка.

Отсюда я должен был сделать вывод, что трубку надо отдать ей. Но я такого вывода не сделал. А она не встала с дивана, только вопросительно приподняла голову... Она уступила мне.

– Он будет жив и здоров! – крикнул я в трубку. – Этого у него нет. Точно установили! Этого нет. Клянусь своим здоровьем! И вашим тоже!..

Мать Игнатия заплакала на другом конце провода.

В этот момент раздался голос телефонистки. Она хотела что-то сказать, но произнесла только одно слово: «Вы...» – и замолчала, хотя междугородные телефонистки могут вле-зть в чужой разговор как хотят.

Мать Игнатия плакала.

Тогда я радостно заорал:

– Он серьезно болен! Ему будут делать сложную опе-рацию! Но этого нет. Клянусь своим здоровьем. И вашим! Не волнуйтесь. Он будет жив и здоров!

В школе мы часто пишем сочинения на тему «Кем быть?».

Чтобы не повторяться, я один раз написал, что мне очень хочется стать геологом, в другой

раз, что хочется стать биологом, а в третий, что космонавтом. Но на самом деле я еще не выбрал профессию.

В тот день мне тоже было неясно, кем я в будущем стану. «Но как это здорово, – думал я, – выйти из опе-рационного или из рентгеновского кабинета, увидеть глаза матери, которые прямо остановились от страха и ожида-ния, устало так улыбнуться и тихо сказать: „Он будет жив... и здоров. Не волнуйтесь... Он будет жить!“

3. САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Учительница Валентина Георгиевна сказала:

– Завтра наступают зимние каникулы. Я не сомнева-юсь, что каждый ваш день будет очень счастливым. Вас ждут выставки и музеи! Но будет и какой-нибудь самый счастливый день. Я в этом не сомневаюсь! Вот о нем на-пишите домашнее сочинение. Лучшую работу я прочту вслух, всему классу! Итак: «Мой самый счастливый день».

Я заметил: Валентина Георгиевна любит, чтобы мы в сочинениях обязательно писали о чем-нибудь самом: «Мой самый надежный друг», «Моя самая любимая книга», «Мой самый счастливый день».

А в ночь под Новый год мама с папой поссорились.

Я не знаю из-за чего, потому что Новый год они встре-чали где-то у знакомых и вернулись домой очень поздно. А утром не разговаривали друг с другом...

Это хуже всего! Уж лучше бы пошумели, поспорили и помирились. А то ходят как-то особенно спокойно и раз-говаривают со мной как-то особенно тихо, будто ничего не случилось. Но я-то в таких случаях всегда чувствую: что-то случилось. А когда кончится то, что случилось, не поймешь. Они же друг с другом не разговаривают! Как. во время болезни... Если вдруг поднимается температура, даже до сорока – это не так уж страшно: ее можно сбить лекарствами. И вообще мне кажется, чем выше темпера-тура, тем легче бывает определить болезнь. И вылечить... А вот когда однажды врач посмотрел на меня как-то очень задумчиво и сказал маме; «Температура-то у него нормаль-ная...», мне сразу стало не по себе.

В общем, в первый день зимних каникул у нас дома было так спокойно и тихо, что мне расхотелось идти на елку.

Когда мама и папа ссорятся, я всегда очень переживаю. Хотя именно в эти дни я мог бы добиться от них всего, чего угодно! Стоило мне, к примеру, отказаться от елки, как папа сразу же предложил мне пойти в Планетарий. А мама сказала, что с удовольствием пошла бы со мной на каток. Они всегда в таких случаях стараются доказать, что их ссора никак не отразится на моем жизненном уровне. И что она вообще никакого отношения ко мне не имеет...

Но я очень переживал. Особенно мне стало грустно, когда за завтраком папа спросил меня:

– Не забыл ли ты поздравить маму с Новым годом?

А потом мама, не глядя в папину сторону, сказала:

– Принеси отцу газету. Я слышала: ее только что опус-тили в ящик.

Она называла папу «отцом» только в редчайших случаях. Это во-первых. А во-вторых, каждый из них опять убеждал меня: «Что бы там между нами ни произошло, это касается только нас!»

Но на самом деле это касалось и меня тоже. Даже очень касалось! И я отказался от Планетария. И на каток не хотел... «Пусть лучше не разлучаются. Не разъезжаются в разные стороны! – решил я. – Может быть, к вечеру все пройдет».

Но они так и не сказали друг другу ни слова!

Если бы бабушка пришла к нам, мама и папа, я думаю, помирились бы: они не любили огорчать ее. Но бабушка уехала на десять дней в другой город, к одной из своих «школьных подруг».

Она почему-то всегда ездила к этой подруге в дни каникул, будто они обе до сих пор были школьницами и в другое время никак встретиться не могли.

Я старался не выпускать своих родителей из поля зрения ни на минуту. Как только они возвращались с работы, я сразу же обращался к ним с такими просьбами, которые заставляли их обоих быть дома и даже в одной комнате. А просьбы мои они выполняли беспрекословно. Они в этом прямо-таки соревновались друг с другом! И все время как бы тайком, незаметно поглаживали меня по голове. «Жалеют, сочувствуют... – думал я, – значит, происходит что-то серьезное!»

Учительница Валентина Георгиевна была уверена, что каждый день моих зимних каникул будет очень счастливым. Она сказала: «Я в этом не сомневаюсь!» Но прошло целых пять дней, а счастья все не было.

«Отвыкнут разговаривать друг с другом, – рассуждал я. – А потом...» Мне стало страшно. И я твердо решил помирить маму с папой.

Действовать надо было быстро, решительно. Но как?.. Я где-то читал или даже слышал по радио, что радость и горе объединяют людей. Конечно, доставить радость труднее, чем горе. Чтобы обрадовать человека, сделать его счастливым, надо потрудиться, поискать, постараться. А испортить настроение легче всего! Но не хочется... И я решил начать с радости.

Если бы я ходил в школу, то сделал бы невозможное: получил бы четверку по геометрии. Математичка говорит, что у меня нет никакого «пространственного представления», и даже написала об этом в письме, адресованном папе. А я вдруг приношу четверку! Мама с папой целуют меня, а потом и сами целуются...

Но это были мечты: никто еще не получал отметок во время каникул!

Какую же радость можно было доставить родителям в эти дни?

Я решил произвести дома уборку. Я долго возился с тряпками и со щетками. Но беда была в том, что мама накануне Нового года сама целый день убиралась. А когда моешь уже вымытый пол и вытираешь тряпкой шкаф, на котором нет пыли, никто потом не замечает твоей работы. Мои родители, вернувшись вечером, обратили внимание не на то, что пол был весь чистый, а на то, что я был весь грязный.

– Делал уборку! – сообщил я.

– Очень хорошо, что ты стараешься помочь маме, – сказал папа, не глядя в мамину сторону.

Мама поцеловала меня и погладила по голове, как ка-кого-нибудь круглого сироту.

На следующий день я, хоть были каникулы, поднялся в семь утра, включил радио и стал делать гимнастику и обтирание, чего раньше не делал почти ни разу. Я топал по квартире, громко дышал и брызгался.

– Отцу тоже не мешало бы этим заняться, – сказала мама, не глядя на папу.

А папа погладил меня по шее... Я чуть не расплакался.

Одним словом, радость не объединяла их. Не прими-ряла... Они радовались как-то порознь, в одиночку.

И тогда я пошел на крайность: я решил объединить их при помощи горя!

Конечно, лучше всего было бы заболеть. Я готов был все каникулы пролежать в постели, метаться в бреду и глотать любые лекарства, лишь бы мои родители вновь заговорили друг с другом. И все было бы снова как прежде... Да, конечно, лучше всего было бы сделать вид, что я заболел – тяжело, почти неизлечимо. Но, к сожалению, на свете существовали градусники и врачи.

Оставалось только исчезнуть из дома, временно потеряться.

Вечером я сказал:

– Пойду к Могиле. По важному делу!

Могилы – это прозвища моего приятеля Женьки. О чем бы Женька ни говорил, он всегда начинал так: «Дай слово, что никому не расскажешь!» Я давал. «Могилы?» – «Могилы!» – отвечал я.

И что бы ни рассказывали Женьке, он всегда уверял: «Никогда! Никому! Я – могила!» Он так долго всех и этом уверял, что его и прозвали Могилкой.

В тот вечер мне нужен был человек, который умел хранить тайны!

– Ты надолго? – спросил папа.

– Нет. Минут на двадцать. Не больше! – ответил я. И крепко поцеловал папу.

Потом я поцеловал маму так, будто отправлялся на фронт или на Северный полюс. Мама и папа переглянулись. Горе еще не пришло к ним. Пока была лишь тревога. Но они уже чуть-чуть сблизились. Я это почувствовал. И пошел к Женьке.

Когда я пришел к нему, вид у меня был такой, что он спросил:

– Ты убежал из дому?

– Да...

– Правильно! Давно пора! Можешь не волноваться: никто не узнает. Могилы!

Женька понятия ни о чем не имел, но он очень любил, чтобы убегали, прятались и скрывались.

– Каждые пять минут ты будешь звонить моим родителям и говорить, что очень ждешь меня, а я еще не пришел... Понимаешь? Пока не почувствуешь, что они от волнения сходят с ума. Не в буквальном смысле, конечно...

– А зачем это? А?! Я – никому! Никогда! Могилы!.. Ты знаешь...

Но разве я мог рассказать об этом даже Могиле? Женька начал звонить. Подходили то мама, то папа – в зависи-мости от того, кто из них оказывался в коридоре, где на столике стоял наш телефон.

Но после пятого Женькиного звонка мама и папа уже не уходили из коридора.

А потом они сами стали звонить...

– Он еще не пришел? – спрашивала мама. – Не может быть! Значит, что-то случилось...

– Я тоже волнуюсь, – отвечал Женька. – Мы должны были встретиться по важному делу! Но, может быть, он все-таки жив?..

– По какому делу?

– Это секрет! Не могу сказать. Я поклялся. Но он очень спешил ко мне... Что-то случилось!

– Ты не переживай, – предупредил я Могилу. – У мамы голос дрожит?

– Дрожит.

– Очень дрожит?

– Пока что не очень. Но задрожит в полную силу! Мо-жешь не сомневаться. Уж я-то...

– Ни в коем случае!

Мне было жалко маму и папу. Но я действовал ради высокой цели! Я спасал нашу семью. И нужно было пере-ступить через жалость! Меняхватило на час.

– Что она сказала? – спросил я у Женьки после оче-редного маминого звонка.

– «Мы сходим с ума!» – радостно сообщил Женька. Он был в восторге.

– Она сказала: «Мы сходим...»? Именно – мы? Ты это точно запомнил?

– Умереть мне на этом месте! Но надо их еще немного помучить, – сказал Женька. – Пусть позвонят и мили-цию, в морг...

– Ни за что!

Я помчался домой...

Дверь я открыл своим ключом тихо, почти бесшумно. И на цыпочках вошел в коридор.

Папа и мама сидели по обе стороны телефона, бледные, измученные. И глядели друг другу в глаза... Они страдали вместе, вдвоем. Это было прекрасно!

Вдруг они вскочили... Стали целовать и обнимать меня, а потом уж друг друга.

Это и был самый счастливый день моих зимних кани-кул.

От сердца у меня отлегло, и назавтра я сел за домашнее сочинение. Я написал, что самым счастливым днем был тот, когда я ходил в Третьяковскую галерею. Хоть на самом деле я был там полтора года назад.

4. ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ ФЕВРАЛЯ

Говорят, что любовь облагораживает человека. С того дня, как я полюбил, мне все время приходилось кому-ни-будь врать. Я делал это не нарочно. Просто мне задавали вопросы, на которые я не мог отвечать честно.

– Почему ты столько времени уделяешь прическе? И рубашки стал менять чуть ли не каждый день?

– У нас в школе работает санитарная комиссия.

– О чем ты все время думаешь? У тебя отсутствующие глаза. Из-за чего ты вздыхаешь?

– Из-за отметок... У меня появились двойки.

– Их же не было! Откуда они?

– Вот об этом как раз я и думаю.

Но на самом деле я думал о Лиле Тарасовой.

Она пришла к нам из другой школы. Помню, на большой перемене подбежал ко мне Владик Бабкин и таким безразличным-безразличным голосом говорит:

– Да, кстати... Ты новенькую видел?

– Какую новенькую?

– Тут одна... ученица. Рядом с тобой есть свободное место. Если она захочет на него сесть, ты скажи, что оно уже занято. Ладно? И пошли ее ко мне. Я тоже один сижу... Ладно?

– А зачем это?

– Я не могу объяснить... Но поверь – это важно! Минут через пять новенькая подошла ко мне и сказала:

– Здесь свободное место?

Я посмотрел на нее – и на миг потерял сознание. По крайней мере, я совершенно забыл о Владике и о его про-сьбе.

– Можно, я сяду? – спросила она.

– Можно, – прошептал я. И на том же уроке схватил первую двойку. Я схватил ее потому, что очень хотел по-лучить пятерку. Получить на глазах у Лили Тарасовой!

С тех пор я все время хотел, чтобы у нее на глазах со мной произошло что-нибудь необычайное или просто хо-рошее. Одним словом, хотел, как говорится, предстать перед ней в выгодном свете.

Но наконец я понял, что в таком свете я могу предстать перед ней только на катке. Потому что я хорошо катался! И я пригласил ее на каток.

Я где-то читал, что выдающийся человек всегда имеет «свое лицо».

Лилия ни в чем не была похожа на остальных! Портфель у нее был мягкий, вишневого цвета, с двумя золотыми замочками.

Тетрадки и книжки были обернуты в розовую бумагу с разводами, и не было на них ни одной кляксы и вообще ни одного пятнышка. Самописка была, как говорится, ми-ниатюрная, карандаш с оранжевым ластиком на конце, блокнотик изящный, с календарем на обложке. А уж о глазах я и не говорю!

Лиля заглянула в этот самый блокнотик с календарем и сказала:

– Двадцать восьмое февраля – это суббота. Вот и пре-красно! Пойдем на каток в воскресенье – двадцать девя-того.

– А почему так не скоро?

– Чтобы ты успел заслужить это право!

– Какое... право?

– Пойти со мной на каток! – Она взглянула мне прямо в глаза и спросила: – На что ты способен ради меня?

Я ответил:

– На все!

– Вот и прекрасно! Я буду тебя испытывать. Для начала выполни одну мою просьбу.

– Любую! – воскликнул я.

– Я раньше дружила с Валею. А потом мы поссорились. И у меня осталась Валина книжка. Я не хочу сама захо-дить...

– Понимаю! – воскликнул я. – Где живет Валя? Укажи только адрес. Я отнесу книгу, чего бы мне это ни стоило!

– Вот и прекрасно. Валя живет прямо подо мной, на втором этаже...

– А ты, значит, на третьем? – быстро сообразил я.

А еще я сразу сообразил, что увижу дом, в котором живет она, поднимусь по той самой лестнице, по которой каждый день ходит она... Все это имело для меня очень большое значение! Такое большое, что я сначала поднялся на седьмой этаж, потом спустился на третий, постоял не-много возле ее квартиры, вздохнул и спустился еще на эдин этаж...

Дверь мне открыл парень лет тринадцати или четыр-надцати. Я слышал, что внешность для мужчин не имеет большого значения. И все же сразу подумал о том, что парень этот выше меня и гораздо красивее. Мне стало грустно... Но я взял себя в руки и спросил:

– Валя дома? Мне нужно отдать ей книжку.

– Не ей, а ему! – сказал парень. И протянул руку. Так, значит, это с ним она раньше дружила? Мне стало совсем тяжело.

– Ты что, ее паж? – спросил Валя.

Высокие и красивые люди могут задавать любые воп-росы.

Я молча удалился к себе домой...

Я знал, что дома уже обо всем догадались. Бабушка старалась повлиять на меня. Но, как

всегда, необычно, по-своему.

– А сын моей соседки, который учится в седьмом классе, решил сначала закончить школу, потом институт, потом прочно встать на ноги и только после этого думать обо всем остальном! – сообщила бабушка.

Отсюда я должен был сделать вывод, что и мне нужно пригласить Лилию Тарасову на каток после окончания института.

Маме бабушка в тот вечер сказала:

– Когда тебе в пятом классе понравился Сережа Потапов... это, я помню, помогло тебе стать отличницей. Это вдохновило тебя!

Я понял, что и мне не мешало бы стать круглым отличником.

На следующий день я получил по физике тройку с минусом.

– Не узнаю тебя! – сказала физичка.

Я и сам себя с трудом узнавал!

Мне нужно было с кем-нибудь посоветоваться. Я вспомнил о студенте-геологе Юре, который жил в соседнем подъезде. Его родители тоже были геологами и часто уезжали в командировку. Однажды, когда они уехали, Юра заболел чем-то серьезным.

Я, конечно, мог заразиться. Но, пренебрегая опасностью и возражениями бабушки, ухаживал за Юрой, бегал за лекарствами и даже один раз поставил ему горчичники.

– Если у тебя в жизни возникнет какая-нибудь трудность, приходи ко мне, – сказал Юра.

Я пришел и все ему рассказал. Он рассмеялся.

– Ну, брат, это не трудность! Ты в шестом классе? Помню, помню... Случалось! Но все это несерьезно. Ты же рисковал ради меня. И я хочу ответить тебе тем же самым! А тут и помогать нечего. Все само рассосется, рассеется. Как дым, как утренний туман...

Примерно через неделю Лилия сказала мне:

– Не хочешь ли подежурить в моем подъезде?

– Хочу! А что это значит?..

– Ну вдруг мне в чем-нибудь понадобится твоя помощь? А ты рядом, в подъезде...

– Я готов стоять там круглые сутки!

– Зачем же так много? Часа полтора или два в день. И хватит!

Она продолжала меня испытывать.

– Не бойся. Тебе там не будет скучно, – сказала Лилия. – Вместе с тобой будет дежурить и Владик Бабкин!

Значит, и он тоже проходил испытания.

Мы с Владиком стали дежурить. Лилия спускалась сверху, и мы сопровождали ее в магазин или на рынок. Мы шли сзади и несли сумки. Она проходила через двор, где Валя со второго

этажа как раз в это время играл в хоккей.

Он останавливался, махал клюшкой и обязательно как-нибудь нас с Владиком называл. То «почетным эскортом», то «музыкальным сопровождением», то «прилипалами»...

Встречая нас в подъезде, он каждый раз спрашивал:

– Ну что? Заступили?..

Я все терпел. Я ждал двадцать девятое февраля!...

Один лектор, которого я слышал в парке культуры и отдыха, говорил, что если мальчишка моего возраста влю-бится, то обязательно таскает за косы девочку, в которую он влюблен, или даже бьет ее.

Мне вовсе не хотелось таскать Лилию Тарасову за косы. Тем более, что кос у нее вообще не было. Мне очень хо-телось пойти с ней на каток. И я ждал...

Однажды, спустившись сверху, Лиля сказала:

– А не кажется ли вам, что здесь, в подъезде, должен остаться кто-то один?

– Кто?! – спросил я.

– Вы должны решить это в честном бою. Как мужчины!

Владик подошел и стукнул меня по носу...

В один миг Лиля взлетела на второй этаж и закричала:

– Валя! Разними их! Они же убьют друг друга!

Валя неторопливо спустился, увидел мой нос и сказал:

– Ну вот, Лиля, из-за тебя уже пролилась кровь!

Он посмотрел на нее не то с уважением, не то даже как-то еще серьезнее...

Мой платок был в крови. Но я не замечал ни крови, ни боли, потому что все это произошло в субботу, двадцать восьмого февраля.

Вечером я позвонил Лиле Тарасовой и сказал:

– Сегодня двадцать восьмое! Значит, завтра двадцать девятое... Мы с тобой идем на каток!

– Ты ошибся, – ответила Лиля. – Завтра первое марта!

Я забыл... Я совсем забыл, что год этот не високосный и что нет в этом году двадцать девятого февраля.

– Я тоже забыла, – сказала Лиля. И рассмеялась.

– Ну и что же?.. Но ведь завтра все равно воскре-сье! – сказал я. – Двадцать девятое февраля или первое марта – какая же разница?

– Очень большая! – сказала Лиля. – Первое марта у меня уже занято. Я обещала пойти на каток...

– Кому? – перебил я.

В ответ она опять рассмеялась. А я, к сожалению, не смог ей ответить тем же.

На следующий день утром я спрятался за углом Лили-ного дома и стал наблюдать.

Было холодно. Но мне было жарко...

Она вышла на улицу вместе с Валею, который жил на втором этаже.

Я так и думал! Он держал в руках две пары коньков – ее и свои. И смотрел на нее так же, как и вчера: не то с уважением, не то как-то иначе... А она улыбалась.

В ту минуту я понял, что любить нужно только того человека, который достоин любви!

Я понял это очень ясно и твердо... Но мне от этого было ничуть не легче.

Я пришел к студенту-геологу Юре и сказал:

– Ты просил, чтобы я... когда будет очень и очень трудно...

– Все то же самое?

– Да...

– Перестань! Это даже смешно. В твоём возрасте? Не-серьезно!

Но это было серьезно. Так серьезно, что на следующий день я опять схватил двойку. И не потому, что не выучил урока, а потому, что ни о чем другом не мог думать. Одним словом, плохо соображал...

5. КАК ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ?

Бабушка считала моего папу неудачником. Она не за-являла об этом прямо. Но время от времени ставила нас в известность о том, что все папины товарищи по институту стали, как назло, главными врачами, профессорами или в крайнем случае кандидатами медицинских наук. Бабушка всегда так громко радовалась успехам папиных друзей, что после этого в квартире становилось тихо и грустно. Мы понимали, что папа был «отстающим»...

– Хотя все они когда-то приходили к тебе за советами. Ты им подсказывал на экзаменах! – воскликнула как-то бабушка.

– Они и сейчас приносят ему свои диссертации, – тихо сказала мама, не то гордясь папой, не то в чем-то его уп-рекая. – Они получают творческие отпуска для создания научных трудов! А он и в обычный отпуск уже три года не может собраться. Каждый день эта больница! Операции, операции... И больше ничего. Хоть бы на недельку взял бюллетень: заболел бы, отдохнул, что ли...

Вскоре мамино желание сбылось: папа заболел гриппом.

Ему прописали лекарства.

– А еще, – сказал врач, – нужны покой, тишина... Телефон у нас стал звонить каждые две минуты.

– Как его здоровье? Как он себя чувствует? – спраши-вали незнакомые голоса.

Сперва меня это злило; папа не мог заснуть. И вечером я сказала маме, которая вернулась с работы:

– Звонили, наверно, раз двадцать!

– Сколько? – переспросила мама.

– Раз тридцать, – ответил я, потому что почувствовал вдруг, что мама как-то приятно удивлена. – Они мешают ему спать, – сказал я.

– Понимаю. Но, значит, они волнуются?

– Еще как! Некоторые чуть не плакали... от волнения... Я их успокаивал!

– Когда это было? – поинтересовалась бабушка.

– Ты как раз ушла за лекарством. Или была на кухне... Точно не помню.

– Возможно... Звонков действительно было много, – сказала бабушка и с удивлением посмотрела на дверь ком-наты, в которой лежал папа.

Она не ожидала, что будет столько звонков. Они обе не ожидали!..

«Как здорово, что папа заболел! – думал я. – Пусть узнают... И поймут. Особенно мама!» Да, больше всего мне хотелось, чтоб мама узнала, как о папе волнуются совершенно посторонние люди.

– Однажды мне довелось ухаживать за студентом Юрой. Ну который живет в соседнем подъезде... – сказал я. – Вы помните? (Мама и бабушка кивнули в ответ.) Он тоже был болен гриппом. И ему тоже звонили. Человека два или три в день. Не больше. А тут прямо нет отбоя!

В эту минуту опять зазвонил телефон.

– Простите меня, пожалуйста... – услышал я в трубке тихий, какой-то сдавленный женский голос. – Я с кем разговариваю?

– С ЕГО сыном!

– Очень приятно... Тогда вы поймете. У меня тоже есть сын. Его завтра должны оперировать. Но я хотела бы дождаться выздоровления вашего папы. Если это возможно... Попросите его, пожалуйста. У меня один сын. Я очень волнуюсь. И хотела, чтобы ваш папа сам, лично... Если это возможно. Тогда я была бы спокойна!

– Повторите, пожалуйста, это его жене, – сказал я. – То есть моей маме... Я сейчас ее позову!

И позвал.

Еще через час или минут через сорок мужской голос из трубки спросил:

– С кем я имею честь?

– С его сыном!

– Отлично! Тогда вы не можете не понять. Моей суп-руге будут вырезать желчный пузырь. Обещали, что вырежет ваш отец. Именно поэтому я и положил ее в эту боль-ницу. Хотя у меня были другие возможности! Мне обеща-ли, что ваш отец... И вдруг такая неприятная

неожидан-ность! Как же так? Надо поднять его на ноги! Может быть, нужны особенные лекарства? Какие-нибудь дефицитные? Я бы мог... Одним словом, я хотел бы его дождаться. Это не театр: здесь дублеры меня не устраивают!..

– Скажите все это его жене. Вот так, как вы говорили мне... Слово в слово! Может быть, она сумеет помочь.

Я опять позвал маму.

И в другие дни я говорил всем, кто интересовался па-пиным самочувствием:

– Сейчас ничего определенного сказать не могу. Вы позвоните вечером. Как раз его жена будет дома! Она вам все объяснит...

Вернувшись с работы, мама усаживалась в коридоре возле столика с телефоном и беспрерывно разговаривала с теми, кого я днем просил позвонить.

Иногда я говорил бабушке:

– Может быть, ты ей поможешь?

И она «подменяла» маму у столика в коридоре. Больные, врачи, медсестры, которые звонили папе, каждый раз спрашивали:

– А какая температура?

К сожалению, температура у папы была невысокая. А мне хотелось, чтобы все продолжали волноваться о его здо-ровье!

Однажды я сказал:

– Температура? Не знаю... Разбил градусник. Но лоб очень горячий. И вообще мечется!

Так я в тот день стал отвечать всем. Я говорил шепотом в коридоре, чтобы папа не слышал.

Мой шепот на всех очень действовал. Мне отвечали тоже чуть слышно:

– Все еще плохо?

– Да... Позвоните попозже, когда будет его жена! Вечером нам принесли целых три градусника.

– Хочется, чтобы у него была нормальная температу-ра, – сказала та самая женщина, сыну которой папа должен был что-то вырезать. И протянула мне градусник. – Он все еще мечется?..

– Нет, уже лучше, – сказал я. – Гораздо лучше. Не волнуйтесь, пожалуйста...

– Поставьте ему этот градусник, – попросила она. Будто от градусника что-то зависело.

– По-моему, есть заметное улучшение, – вновь успо-коил я женщину.

Она вынула платок, опустила голову и ушла...

– Неужели вы думаете, – сказал я маме и бабушке, – что, если бы этот ваш... виолончелист заболел гриппом, ему бы столько звонили? И купили бы столько градусни-ков?..

– Ну, что ты!.. Разве можно сравнить? – воскликнула бабушка. – Тут же речь идет о

человеческих жизнях!

– Да, он нужен людям! – сказал я.

– Безусловно! – воскликнула мама.

Не заболеет папа вирусным гриппом, она бы ни за что этого не воскликнула. То есть она, может, произнесла бы то же самое слово, но не так твердо, не так уверенно.

Во всех газетах пишут, что с вирусным гриппом надо беспощадно бороться. А я думал об этих вирусах с нежностью и даже с любовью... Что поделаешь? Если они мне так помогли!

В тот день я твердо решил, что, если меня и дальше будут дома недооценивать, я тоже тяжело заболею. Хорошо было бы умереть... на время, чтобы все поняли, кого они потеряли! Но так как это, к сожалению, невозможно, я обязательно заболею! И весь наш класс (все сорок три человека!) будут звонить. Уж я постараюсь! Тогда все сразу поймут...

6. ЕГОРОВ

– Ты знаешь, я почти физически ощущаю страдания своих пациентов, – сказал мне однажды папа. Сказал тихо, чтобы мама и бабушка не услышали. Он даже тихо стесняется говорить им такие слова, потому что они кажутся ему слишком громкими. А может быть, он просто не хочет, чтобы мама знала, как часто он «физически» ощущает страдания.

А мне папа рассказывает обо всем! Даже о том, что всю жизнь, начиная с четвертого класса, он любит одну только маму.

– Некоторые приятели удивляются этому, – сказал как-то папа.

– Пусть удивляются! – воскликнул я. – Несчастные! Просто они никогда не встречали таких женщин, как мама...

Одним словом, от меня у папы не бывает секретов. Мне кажется, что, если когда-нибудь мне будут делать тяжелую операцию, я перенесу ее очень легко. Потому что обо всех тяжелых операциях, которые приходится делать папе, он мне подробно рассказывает, и я к ним как-то уже привык.

Ведь надо же ему с кем-то делиться! Женщин он не хочет расстраивать. А мужчина, кроме него, в доме только один. Это я!

Всех тяжелых больных я знаю по имени-отчеству. И родственников их знаю, потому что они без конца звонят нам по телефону. Папа им сообщает: «Сегодня мы вашего мужа начали поворачивать!», «Ваш сын научился ходить! Да, опять... И уже дошел до окна! Поздравляю!..»

– Можно подумать, что у вас в больнице нет справочного бюро, – сказала бабушка.

– Близкие люди иногда переносят операцию трудней, чем сами больные, – ответил папа. – Ведь им не дают наркоза! Вот я и стараюсь хотя бы по телефону производить «обезболивание».

Папе всегда известно, где и кем работают его пациенты, о чем мечтают и сколько у них детей.

– Нельзя вторгаться в чужую жизнь, не зная ее! – го-ворит он. – Особенно так решительно, как делаем это мы, хирурги...

Папа всегда очень боится разволновать маму и бабушку Поэтому, когда по утрам он весело и громко поет, я знаю, что на душе у него очень грустно. Или, вернее сказать, тревожно. Тогда я тихонько затаскиваю папу на кухню и спрашиваю:

– Что, сегодня тяжелая операция? Ты волнуешься?

– Легких операций не бывает, – почти всегда отвечает папа. А потом говорит: – Много отягощающих обстоя-тельств...– Или что-нибудь вроде этого.

Ну, я в ответ говорю, что верю в него, – на душе у папы сразу становится легче, и он перестает петь. Днем я сооб-щаю бабушке:

– Надо узнать, как у Женьки дела с геометрией!

Набираю номер больницы и, когда папа подходит, спра-шиваю:

– Ну как? Ты решил задачу?

Папа сразу меня понимает. Мы с ним вообще понимаем друг друга.

И когда вечером он приходит домой, я по его лицу точно угадываю – есть осложнения или нет, очень высокая температура или не очень...

Но однажды папино лицо было таким, что я ничего не понял. Папа был не грустным и не веселым. Он был ни-каким. И походка была чужая. Верней сказать, и походки тоже никакой не было... Я испугался.

– Что-нибудь случилось? – прошептал я.

– Он умер, – ответил папа.

– Кто?

– Егоров... Иван Павлович.

Раньше я про Егорова ничего не слышал. И утром в тот день папа не волновался, не пел. Правда, мама с бабушкой уехали на три дня за город. Но все равно – я бы почувст-вовал!

– А сколько ему было лет?

– Ну да... Это первый вопрос в таких случаях. Какая разница, сколько лет! Он должен был жить.

– А что у него было... такое?

– Ничего особенного. В том-то и дело, что ничего осо-бенного! Операция прошла хорошо. А потом... Как бы тебе объяснить? Образовался маленький сгусточек крови. Тромб.

– Значит, ты не виноват? (Папа взглянул на меня.) – То есть я не это хотел сказать. Но ведь ты все сделал пра-вильно!

– Он умер. А позавчера ко мне его мать приходила... Ты понимаешь?

– Значит, он молодой?

– Пятьдесят семь лет.

– И... мать?

– Ей семьдесят восемь. Но быстрая, и глаза не уста-лые... «Хорошо, говорит, что жена Ванина в санатории, а дети ихние в других городах. А то испугались бы, когда ночью этот приступ случился!» А я еще пошутил: болезнь, говорю, на приступ пошла не страшная. Мы отобьемся! – Она уже знает?..

– Я сказал ей, что операция будет дней через пять. Так меня Егоров просил. Чтобы не волновалась...

«Иван Павлович все-таки, значит, позаботился о нар-козе для своей матери», – подумал я. И спросил:

– Что ж теперь будет?

– Теперь я пойду к ней. И сам все скажу.

– Я тоже пойду!

– Идем. Это недалеко. Во дворе кинотеатра «Заря»... Она мне сказала: «Когда Ваня придет домой, и вы прихо-дите!..»

Я взял папу под руку. И повел его. Он не удивился, не вырвался. Я, значит, был ему нужен! Или просто ему было тогда все равно.

– Она мне рассказывала о нем. Матери почти всегда делают это. Чтоб я полюбил их детей – и старался...

Папа говорил о Егорове так, будто тот был приблизи-тельно в моем возрасте, а мать его была в возрасте моей мамы.

– Больше всего на свете матери боятся пережить детей своих, – сказал папа. – Они верят, что мы, врачи, этого не допустим. А тут, видишь, как получилось...

Я шел и думал: «Почему маленький сгусточек крови оказывается сильнее всех на свете? Почему жизнь человека должна зависеть от какого-то тоненького сосудика? Поче-му?» Когда я поделился этими мыслями с папой, он отве-тил:

– Мы вот и стараемся, чтоб не зависела! Папа очень старается. Это я знаю...

– Скажи, пожалуйста: ты мог это предвидеть?

– Врач должен предвидеть все, – сердито ответил он. И все-таки я снова задал вопрос:

– А сделать так, чтобы этого не случилось... ты мог?

– Был обязан!

Я понял вдруг, что папа злится не на меня, а на себя самого. Этого я не мог допустить!

– Ты был обязан? Или ты мог? Скажи мне, пожалуйста...

– Ты никогда не станешь врачом, – сказал папа.

– Почему?

– Потому что все время думаешь обо мне. То есть и о себе! Вместо того, чтобы... Да ладно!..
– Папа махнул рукой.

– Должен же о тебе кто-то думать, раз ты сам о себе никогда не подумаешь, – повторил я фразу, которую не раз слышал от мамы.

Мы вошли во двор. И тут выяснилось, что папа не знает номера квартиры. Он помнил только про кинотеатр, а про номер забыл.

Полный седой мужчина поливал кусты и траву. По тому, как он держал в руках шланг, я понял, что он не дворник, а поливает двор по собственному желанию. Мужчина за-метил, что мы оглядываемся по сторонам.

– Вам кого?

– Где тут квартира Егорова? – спросил, папа.

– А-а, сына ведете на исправление? – почему-то об-радовался мужчина. – У нас в доме как только парень споткнется, так его к Ивану Павловичу ведут. Имеет он к ним подход! А теперь, значит, из других домов потяну-лись?.. Он в первом подъезде живет. На втором этаже... Квартиру не помню! Но сейчас он в больнице. – Мужчина вздохнул. Вода из шланга лилась на один и тот же куст. – Без него вон ребята стол поломали... Стойку делали. Ак-робаты! Мы до его возвращения чинить не будем. Пусть они ему в глаза поглядят! При нем бы не поломали. Ни за что! Уважают... О цветах и кустах они будь здоров как за-ботятся! А почему? Иван Павлович посадил. И яблоня эта – его... Он в первом подъезде живет... А в какой квар-тире-то? – обратился он к женщине, которая тащила мимо нас сумки.

– Вы про кого?

– Про Егорова.

Женщина сразу опустила сумки на землю. Грустно так опустила, тяжело.

– Он в том подъезде живет! Седьмая квартира. Скорей бы уж возвращался! У меня сын к математике неспособный. Так он Ивана Павловича полюбил, а потом уж из-за него! – математику. Четверки стал приносить. Я отсюда никуда не уеду. Пока сын не вырастет! Давайте я вас про-вожу. Мать его дома, наверно...

Мне было страшно, что папа скажет: «Ивана Павловича уже нет...» Но папа молчал. Наверно, он хотел хоть немного продлить жизнь Егорова для этих людей.

Мы пошли за соседкой. Я тащил одну ее сумку, а папа другую. Она все рассказывала:

– Тут из школы приятели приходили к сыну. Очень без Ивана Павловича соскучились. Я ведь тоже в школе учи-лась. Помню... Когда у нас урок отменяли, мы от радости не знали куда деваться! А эти тоскуют. В больницу к нему собрались идти. Я здесь, на первом этаже... А вы подни-майтесь выше. Он там живет!

Не глядя, она ткнула пальцем в кнопку звонка. Дверь ей открыла соседка, ужасно какая-то недовольная и оза-боченная.

– Что же вы ключи с собой не берете? Отдел отрываете...

– Тут вот люди квартиру Ивана Павловича ищут, – зачем-то сообщила женщина с сумками.

Соседка заулыбалась, словно ей было стыдно перед людьми, которые ищут его квартиру.

– Иван Павлович над нами живет. Прямо над нами!

Мы стали подниматься... Медленно, будто считали ступени или были после какой-нибудь тяжелой болезни.

«Живет... Живет... Живет!.. – стучало у меня в ушах. – Живет...»

7. «ВЗРОСЛЫЙ» ВЕЧЕР

Мне кажется, человека можно считать взрослым тогда, когда его вместо утренников начинают приглашать на вечера.

Однажды папа пригласил меня на праздничный вечер в больницу, то есть к себе на работу... Я согласился – я сразу почувствовал себя как-то уверенней и взрослее.

Прощаясь и внимательно оглядывая нас напоследок, мама и бабушка очень просили меня не говорить в больнице никаких глупостей и все время помнить о том, что я уже в шестом классе. Но если бы даже я и хотел об этом забыть, мне бы в тот вечер это не удалось, потому что каждый из папиных сослуживцев обязательно говорил:

– Ну, и в каком же мы классе?

– В шестом, – отвечал я.

– Не может быть!

Потом каждый обязательно обращался к папе и восклицал:

– У вас уже такой большой сын?! Трудно поверить... Хотя очень на вас похож. Очень!

Маме тоже всегда говорили, что я на нее очень похож. Поэтому я никак не мог составить о своей внешности ка-кого-либо определенного мнения.

Мама была красивая, а о папе бабушка как-то сказала:

– Красавцем его, конечно, трудно назвать...

– И не называй, если тебе трудно! – ответил я. – Пожалуйста... Но его все равно любят!

– Я с этим не спорю, – сказала бабушка. – Что ты разволновался? Внешность для мужчин вообще не имеет большого значения.

«Действительно, не имеет», – думал я, видя, как все женщины, которые были в зале, по очереди подходили к папе и, стараясь сделать ему приятное, говорили, что я на него очень похож.

На меня в тот вечер тоже все обращали внимание. И не только потому, что я пришел с папой... Учительница литературы часто просит, чтобы все мы, ее ученики, были по возможности «яркими индивидуальностями». В том зале, украшенном плакатами и цветами, мне первый раз в жизни удалось быть таким, каким хотела меня видеть наша учительница: ни одного шестиклассника, кроме меня, в зале не было. И поэтому я чувствовал себя вполне яркой индивидуальностью.

Наконец все расселись... Я услышал свою фамилию и чуть было не вскочил, как на уроке. Но

оказалось, что это папу избрали в президиум.

– Правильно...– сказала старушка, которая сидела рядом со мной. Лицо у нее было сердитое, глаза придирачивые. От таких людей особенно приятно бывает услышать какой-нибудь комплимент.

Другие, услышав нашу с папой фамилию, вслух ничего не высказали, но громко захлопали. И я понял, что они со старушкой вполне согласны.

«Как жаль, что мама и бабушка не видят всего этого! – думал я. – Конечно, я расскажу им... Но, во-первых, папа обязательно будет мне возражать. И даже если я стану что-то преуменьшать, он скажет, что я сильно преувеличиваю. А во-вторых, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Это давно известно!»

Я первый раз в жизни слушал доклад! Он был коротким.

– Молодец! – с мрачным видом сказала старушка, си-девшая рядом. И кивнула в сторону трибуны, которую по-кидал докладчик: – Быстро управился.

А я бы мог слушать еще!

– Сейчас мы поговорим о лучших людях нашей боль-ницы, – сказал председатель.

Все в зале притихли и слегка напряглись. Я тоже завол-новался. Не за себя, конечно... За папу.

– Мы пригласили сюда наших бывших больных, – продолжал председатель. – Пусть они скажут...

Я пристально огляделся, но не смог отличить бывших больных от просто здоровых.

– А кто тут... болел? – тихо спросил я у сердитой ста-рушки.

– Ты что, не поймешь?

– Не пойму...

– То-то и оно! – сказала она. Помолчала. А потом губы ее немного разжались: так она, наверное, улыбалась.

К трибуне зашагал огромный мужчина. Мне показа-лось, что здоровее его в зале не было ни одного человека.

– Это Андрюша... – сказала старушка. И опять по-своему улыбнулась.

В разных концах зала тоже зашептали:

– Андрюша... Андрюша...

– Его тут все знают? – спросил я старушку.

– А как же! Он был совсем слабый. Совсем...

Я тоже знал об этом бывшем папином пациенте.

«Если бы удалось поставить его на ноги! – говорил папа. – Если бы мне удалось!..» Ему удалось... Бывший больной стоял на ногах!

Трибуна была Андрюше по пояс. Он схватил ее обеими руками, словно хотел поднять и подбросить вверх.

– Я работаю! – заявил с трибуны Андрюша. – Я играю в хоккей! А потому, что есть на свете такие люди... Есть такой человек...

Я посмотрел в президиум и понял, о ком идет речь: папы не было видно. Он и раньше-то сидел там, на сцене, в самом последнем ряду, а теперь уж совсем пригнулся и скрылся за чьей-то спиной.

И еще двое бывших больных сказали, что с помощью папы они «второй раз родились». Я понимал, что им бы не хотелось больше рождаться с папиной помощью... Но все они смотрели на папу так, будто с ним были связаны какие-то очень хорошие воспоминания. А ведь он, между прочим, их оперировал...

Я сидел и делал разные фантастические предположения. «Вот если бы я учился на одни только пятерки – чего на самом деле никогда в жизни не будет! – и меня бы стали вдруг хвалить на школьном собрании, многим ребятам это бы не понравилось. Я уверен...» А тут все врачи, медсестры и нянечки так улыбались, словно их самих за что-то благодарили. «Почему? – думал я. – Наверное, потому, что они любят папу...»

А потом был концерт. А потом были танцы... И снова к папе подходили женщины: они приглашали его танцевать. И я опять ужасно страдал оттого, что мама и бабушка не видят всего этого.

– Я не умею танцевать... – извинялся папа. – Пригласите лучше Андрюшу!

– К нему не пробьешься! – ответила папе молодая женщина в белом халате, которая в тот вечер, наверно, дежурила и забежала на минутку.

К Андрюше и правда было трудно пробиться. Он больше всех танцевал, громче всех смеялся и разговаривал. Словно хотел доказать самому себе, что может все это...

Папа не стал унижать меня: он ни разу не взглянул на часы, не сказал, что уже пора домой, потому, мол, что мне надо спать или делать уроки. Мы пошли в гардероб вместе со всеми.

Когда мы спустились вниз и папа уже протянул номерок, к нему вдруг подбежал запыхавшийся мужчина в белом халате и что-то шепнул на ухо.

– Проводите, пожалуйста, моего сына... – попросил папа не то Андрюшу, не то сердитую старушку, не то кого-то еще.

Все согласились меня провожать.

– Я останусь здесь... ненадолго, – проговорил папа и побежал вслед за мужчиной в белом халате.

– Зачем он... остался? – спросил я.

– Для своего дела, – ответила старушка с придирчивыми глазами.

– Для какого... дела?

– Спасать кого-нибудь будет...

Я шел по улицам, которые были совсем уже готовы к празднику, хотя до него оставалось еще целых три дня. Бывший папин больной, Андрюша, шел рядом. Он так радовался

разноцветным огням, словно было время, когда он уже не надеялся их увидеть.

Подходя к нашему дому, Андрюша тоже не удержался и сказал:

– А ты похож на отца! Честное слово... Похож!

Сказал так, будто наградил меня.

А я в ту минуту подумал, что, наверное, похож на папу только с виду. Или, как говорится, внешне... «А чтобы быть на него похожим по-настоящему, – думал я, – мне еще надо... Ведь это не так легко – делать других счастливыми!»